
Аниса Август
Арника. Дар или проклятье

Аниса Август

Арника. Дар или проклятье.

«Автор»
2026

Август А.

Арника. Дар или проклятье. / А. Август — «Автор», 2026

Арника — ученица магической академии, выросшая в приюте и ничего не знающая о своих родителях. Её сильный и порой неукротимый дар сочетается с непростым характером — так что спокойная учёба ей точно не светит. С каждым днём магия всё настойчивее напоминает о себе, а вокруг начинают происходить странные вещи. Арнике предстоит не только научиться управлять своей силой, но и разгадать тайну своего происхождения: вдруг её дар — это вовсе не благословение, а древнее проклятье? Впереди её ждут опасные приключения, неожиданные союзники и, возможно, ответы на самые мучительные вопросы: кто она на самом деле и кем были её родители.

© Август А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 22
Глава 7 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Аниса Август
Арника. Дар или проклятье.

Глава 1

Мороз впивался в кожу, словно тысячи крошечных игл, а ветер выл так, будто сам мир оплакивал эту ночь. Метель кружила вихри снега, превращая улицы в белую пелену, где терялись даже знакомые очертания домов. В приюте на окраине города окна светились тусклым жёлтым светом — единственный островок тепла в ледяной пустыне.

Палетта, старшая работница приюта, вышла на порог, повинуясь какому-то внутреннему беспокойству. Она накинула на плечи старый шерстяной платок, но он почти не спасал от пронизывающего холода. Едва она приоткрыла дверь, как порыв ветра швырнул ей в лицо горсть колючего снега. Палетта хотела уже вернуться, но что-то заставило её задержаться, вглядеться в сумерки. И тогда она заметила едва заметный бугорок у самых ступеней — корзинку, которую уже начинало заметать снегом.

Сердце Палетты сжалось. Она бросилась вперёд, хватая корзинку обеими руками, и тут же понесла её внутрь, едва успев захлопнуть за собой тяжёлую дверь. В коридоре её тут же окружили встревоженные лица.

— Что там, Палетта? Опять бродяга какой-нибудь? — спросила Мирана, поправляя чепчик.

— Хуже… Или лучше… Не знаю, — выдохнула Палетта, дрожащими руками снимая крышку. — Тут ребёнок.

В корзинке, укутанная в тонкое, уже промокшее от снега одеяльце, лежала девочка. Она не плакала, не кричала, не дёргала ножками — просто лежала и смотрела. Её глаза, яркие, цвета аквамарина, казались слишком большими для такого маленького лица, и в них не было ни страха, ни слёз — только спокойное, почти взрослое любопытство.

— Господи, да она же вся ледяная! — ахнула Мирана и тут же принялась действовать. — Быстрее, несите её к печке! И пусть на кухне греют молоко, да поживее!

Другие работницы засуетились: кто-то тащил тёплые одеяла, кто-то раздувал угли в печи, чтобы жар поскорее разошёлся по комнате. Мирана сноровисто распелёнывала малышку, бормоча себе под нос:

— Ещё бы полчаса, и не спасли бы… Если бы Палетта не вышла… Ох, судьба-злодейка, а ведь могла и не выйти.

Палетта стояла в стороне, прижимая платок к груди, и не могла отвести взгляда от девочки.

— Она даже не плачет, — тихо произнесла она. — Словно всё понимает.

Малышка и правда не издавала ни звука. Только поворачивала голову, следя за каждым движением, будто старалась запомнить каждую деталь этого нового, холодного, но уже не такого враждебного мира.

А далеко отсюда, за пределами приюта, сквозь метель пробивалась молодая женщина. Её плащ был изодран, волосы спутаны, а дыхание вырывалось облачками пара, тут же уносимыми ветром. Она шла, спотыкаясь о скрытые под снегом камни, но упрямо двигалась вперёд. За ней, невидимый в вихрях снега, неотступно следовал враг. Его шаги были тише, чем вой ветра, но женщина чувствовала его присутствие — как ледяное прикосновение между лопатками.

Она специально сделала крюк, чтобы подойти к приюту с другой стороны, надеясь, что преследователь не заметит этого манёвра. Сердце колотилось где-то в горле, когда она на мгно-

вение остановилась у угла здания, прислушиваясь. Ветер заглушал всё, но ей казалось, что она слышит даже биение собственного сердца.

«Пусть он не заметит, пусть не поймёт…» — мысленно повторяла она, сжимая кулаки. Она знала, что этот крюк стоил ей драгоценных минут, но сделать это было необходимо. Оставить корзинку у порога приюта — единственный шанс спасти девочку. Женщина не могла взять её с собой: её путь был слишком опасен, слишком тёмным, и каждый шаг мог стать последним.

Когда она наконец двинулась дальше, уходя в глубь метели, её плечи были опущены от усталости, но в груди тлело слабое, но упрямое пламя надежды. «Пусть она будет в безопасности. Пусть они её сберегут».

Метель продолжала кружиться, стирая следы, смешивая прошлое и будущее в единую белую пустоту. А в тёплом приюте, у печки, малышка в первый раз тихо вздохнула, будто наконец-то позволила себе поверить, что холод отступил.

Утро в приюте начиналось всегда одинаково: с тихого, но настойчивого стука деревянной ложки по медному подносу, с запаха овсяной каши и сырого холода, который даже к полудню не спешил уходить из углов. Но в это утро всё было чуть-чуть иначе. В воздухе витало что-то новое — будто само здание, привыкшее к слезам и шёпотам, теперь прислушивалось к чему-то важному.

Малышку, найденную в корзинке, устроили в небольшой комнатке рядом с кухней — там, где печь грела стены почти круглые сутки. Она по-прежнему не плакала громко, лишь иногда вздыхала, а её аквамариновые глаза внимательно следили за каждым, кто подходил ближе.

Палетта, которая первой заметила корзинку, почти не отходила от девочки. Она то поправляла одеяльце, то тихонько напевала что-то без слов — не песню даже, а скорее убаюкивающий мотив, который рождался сам собой. Мирана, напротив, держалась чуть строже: она считала, что излишняя нежность только портит детей, но и она не могла не замечать, как странно и ясно смотрит на неё эта малышка.

— Надо же её как-то звать, — сказала Мирана ближе к полудню, когда девочка пила тёплое молоко и даже чуть улыбнулась краешком рта. — Нельзя же всё время говорить «она» да «малышка».

— Да, — тихо согласилась Палетта. — Имя ей нужно. Как знак, что она теперь здесь. Что её приняли.

В приюте имена давали по-разному: кому-то в честь святых, кому-то по цвету волос или по какой-нибудь примете, а бывало, что и просто по первому слову, которое приходило на ум. Но тут обе женщины понимали: для этой девочки имя должно быть особенным. Слишком уж необычным казался её взгляд, слишком много смысла было в той метельной ночи, когда её нашли.

— Арника, — тихо сказала Палетта, глядя на девочку. — Это мои любимые цветы. Они растут там, где, казалось бы, ничего расти не может: на камнях, на склонах, где ветер сбивает с ног. Но арника держится. И цветёт.

— Арника… — повторила Мирана, пробуя имя на вкус. — Да… В нём есть сила. Не громкая, не кричащая, а тихая, упрямая. Как у неё.

— Пусть будет Арника. Пусть помнит, что даже на голом камне может расцвести цветок.

Но имени было мало. В приюте у каждого ребёнка была и фамилия — пусть и условная, но своя. Для новеньких её обычно подбирали так, чтобы она хоть немного отражала историю.

— А фамилию? — спросила Мирана — Что скажете?

Палетта задумалась, и перед её глазами снова встала та ночь: белая пелена метели, тёмные ступени, корзинка, которую уже начинало заметать снегом. Мороз, который хватал за горло и не давал дышать.

— Кэльте, — вдруг сказала она. — Это слово я слышала когда-то от одного путника. Он говорил, что на его языке оно значит «стужа». А её ведь нашли в лютый мороз. И если бы не этот холод, может, никто бы и не заметил корзинку под снегом.

Мирана чуть прищурилась, словно примеряя слово к девочке:

— Кэльте… Звучит сурово. Но в нём правда есть тот самый мороз, что был той ночью. И в то же время — выживание.

Палетта улыбнулась и погладила девочку по мягкой щёчке:

— Значит, пусть будет Арника Кэльте. Имя — про силу и цветение вопреки всему. Фамилия — про ту самую стужу, которая не смогла её победить.

Девочка в этот момент чуть повернула голову, будто прислушивалась к словам, и снова посмотрела на них своими ясными глазами. В этом взгляде не было ни страха, ни растерянности — только спокойное принятие. Словно она уже знала: теперь у неё есть имя. Есть история. И есть люди, которые решили, что она должна остаться в тепле.

Глава 2

Солнце едва пробивалось сквозь высокие витражные окна Академии Авалон, окрашивая коридоры в приглушённые янтарно-синие тона. В классах царила сосредоточенная тишина: студенты склонялись над учебниками, выводили формулы на грифельных досках, тихо перешёптывались, уточняя детали заклинаний. Казалось, сама Академия дышала размеренным ритмом учебного дня — ровным, предсказуемым, почти убаюкивающим.

Но вдруг этот покой раскололся.

— Арника Кельте!!! — громогласный голос профессора Альберта Мириуса прокатился по коридорам, будто раскат грома в ясный день. Его обычно спокойный, чуть бархатный тембр, привыкший к терпеливым пояснениям и мягким наставлениям, сейчас звенел сталью.

Студенты в ближайших аудиториях замерли, кто-то даже перестал дышать. Имя «Арника» набатом отдавалось в стенах, заставляя сердца биться чаще не от страха, а от предвкушения: если в академии что-то грохочет, искрит или внезапно меняет цвет — почти наверняка в этом замешана именно она.

А в лаборатории третьего крыла творилось настоящее безобразие.

Зелёная слизь стекала по полкам, покрывала столы, капала с края демонстрационного стола, где ещё минуту назад профессор Мириус аккуратно раскладывал образцы редких трав. В воздухе витал терпкий запах перебродившего корня мандрагоры, смешанный с чем-то едким и подозрительно шипучим. Посреди этого хаоса стояла Арника — рыжие пряди выбились из узла, аквамариновые глаза были широко распахнуты, а на лице застыло выражение, в котором смешались искреннее недоумение, лёгкий ужас и упрямое нежелание признавать поражение.

— Я просто хотела проверить, сработает ли… — пробормотала она, глядя на профессора, который застыл в дверях, сжимая край мантии так, будто это был спасательный канат.

Профессор Мириус глубоко вдохнул. Его седые волосы, обычно аккуратно уложенные, слегка растрепались, будто даже они не выдержали напряжения момента. Он умел сохранять хладнокровие перед лицом самых сложных заклинаний, мог часами объяснять тонкости алхимии даже самым невнимательным студентам, но Арника… Арника умела находить такие лазейки в правилах, о которых никто и не подозревал.

— «Просто хотела проверить», — повторил он, и в его голосе прозвучала не столько злость, сколько усталость человека, который слишком хорошо знает, к чему приводят такие «проверки». — Арника, скажи мне, пожалуйста, ты хоть на секунду задумалась, что ингредиенты третьего курса не просто так помечены красным ярлыком?

Она открыла рот, чтобы возразить, но тут же закрыла. Спорить с этим было бесполезно. Вместо этого она сделала шаг вперёд, пытаясь прикрыть собой особенно крупную лужу слизи, которая, казалось, жила своей жизнью и медленно подбиралась к его ботинкам.

— Простите, профессор… Я не думала, что реакция будет такой… бурной.

Он прикрыл глаза, словно пытаясь собрать остатки терпения, а потом вдруг фыркнул — тихо, почти незаметно, но это был тот самый звук, который означал: буря миновала.

— Ты никогда не думаешь, Арника, — сказал он уже мягче, но с твёрдой интонацией. — Ты действуешь. И это одновременно твоя сила и твоя главная проблема.

Она опустила взгляд, но в уголках губ всё равно пряталась та самая озорная полуулыбка — та, что всегда появлялась, когда опасность отступала, а впереди маячило не наказание, а очередное приключение.

— Но ведь теперь мы знаем, что смешивать настойку морозника с порошком лунного камня нельзя, — проговорила она, осторожно поднимая глаза. — Это ценный экспериментальный результат.

Профессор снова вздохнул, на этот раз почти с улыбкой.

— Ценный, если ты выживешь после того, как я расскажу об этом декану, — буркнул он, но уже не так грозно. — А теперь бери швабру. И не ту, что светится, — он строго посмотрел на парящий в углу инструмент, который явно был частью предыдущего «эксперимента». — Обычную. Деревянную. И пока будешь убирать, подумай, сколько часов практики по нейтрализации побочных эффектов тебе теперь предстоит.

Арника послушно кивнула, но, проходя мимо профессора, не удержалась и тихо добавила:

— Зато теперь все в академии точно знают, что я здесь.

Он лишь покачал головой, пряча улыбку в складках мантии. Да, Арника Кельте умела напоминать о себе. И, как ни странно, именно за эту неукротимую искру, за эту способность видеть в каждом правиле вызов, он когда-то и выхлопотал ей место в Академии Авалон.

Профессор Мириус замер посреди залитой зелёной слизью лаборатории, на мгновение словно выпав из настоящего. Взгляд его скользнул мимо Арники, будто сквозь неё — туда, где время свернулось в тугую спираль и развернулось совсем другой картиной.

Перед глазами встало яркое солнце ярмарочной площади, пестрые навесы, крики зазывал, запах свежей выпечки и пряных трав. И среди этой суеты — девочка лет двенадцати, рыжие волосы, будто языки пламени, мелькают между прилавками, а за ней, отчаянно размахивая руками, бегут две строгие женщины в одинаковых тёмно-серых платьях — воспитательницы из приюта.

Он вспомнил, как тогда стоял чуть в стороне, наблюдая за суетой с привычной отстранённостью учёного, которому чужда эта бытовая кутерьма. И вдруг — крик, грохот, и тележка с овощами, опрокинутая одним резким движением, покатилась, рассыпая морковь, репу и пучки лука по пыльной брусчатке.

Торговец, краснолицый мужчина с тяжёлым взглядом, взревел так, что даже голуби сорвались с крыш:

— Ах ты, негодница! Да я тебя…

Девочка не дрогнула. Она стояла прямо, сжав кулаки, и смотрела на него с такой яростью, что в тот миг казалась старше своих лет. А потом побежала, но вскоре споткнулась о собственный подол, потеряла равновесие — и полетела вперёд, прямо на острые камни мостовой.

Реакция профессора была мгновенной: он вскинул руку, прошептал короткое заклинание, и в воздухе возникла полупрозрачная воздушная сфера — мягкая, упругая, способная принять удар и уберечь ребёнка от травмы.

Но девочка… она не просто упала. Она будто прошла сквозь заклинание, рассекла его, как горячий нож — масло, и с глухим стуком рухнула на землю.

Мириус на секунду онемел. Это было невозможно. Не для обычного ребёнка. Не для кого-либо из тех, кого он встречал за долгие годы преподавания. Магия не рассеивалась так — её можно было нейтрализовать, перекрыть, отразить, но не «прорезать» движением тела, почти неосознанно.

— Эй, ты в порядке? — он оказался рядом прежде, чем воспитательницы успели добежать. Присел на корточки, осторожно приподнял девочку за локоть. На колене уже набухала ссадина, но она морщилась не от боли, а от досады.

— Я в порядке, — буркнула она, отводя взгляд, но тут же снова вспыхнула: — А он обманывал! Обвешивал старушку, а у той и так денег почти не было. Она последние монеты отдала, а он ещё и ворчал, будто она виновата. Я не могла просто стоять и смотреть!

Профессор слушал, и чем больше она говорила, тем яснее становилось: в ней кипела не просто детская обида, а настоящая, почти взрослая справедливость — та, что не терпит компромиссов.

— Значит, ты не просто шалость устроила, — тихо проговорил он, доставая из кармана небольшой пузырёк с заживляющей мазью. — Ты за правду встала.

Она покосилась на пузырёк, потом на него, будто прикидывая, можно ли доверять этому незнакомому человеку в строгой мантии с вышитыми рунами.

— А вы кто такой? — спросила наконец.

— Профессор Альберт Мириус. Преподаю в Академии Авалон. Изучаю природу магии, её законы и исключения из них.

Девочка нахмурилась, будто пыталась сложить в голове эти слова в понятный узор.

— Исключения… — пробормотала она. — А разве бывают исключения?

Он улыбнулся — впервые за день по-настоящему, без сдержанной вежливости.

— Думаю, да. Ты только что рассекла моё заклинание, даже не заметив этого. Скажи, ты часто такое делаешь? Чувствуешь, когда магия рядом?

Она пожала плечами, но в глазах мелькнуло что-то — то ли гордость, то ли страх, что сейчас её заберут куда-то, где будут задавать слишком много вопросов.

— Иногда… — призналась она. — Когда что-то слишком «неправильное», оно будто давит. И хочется это сломать.

Профессор кивнул. Он понял. Это был не контроль, не навык — это был инстинкт. Редчайший дар: способность чувствовать искажения в магическом поле и реагировать на них на уровне рефлексов. Такой талант нельзя было упустить.

— Давай я провожу тебя обратно в приют, — предложил он мягко, но твёрдо. — И заодно поговорю с настоятельницей. Думаю, твоей силе нужно не подавление, а обучение.

Воспитательницы, наконец добежавшие до них, смотрели на профессора с облегчением и одновременно с тревогой — кто он такой, что хочет от их подопечной? Но одного его спокойного, уверенного тона хватило, чтобы они не стали спорить.

И тогда, шагая рядом с этой упрямой, огненно-рыжей девочкой, профессор впервые подумал: возможно, именно такие, кто ломает правила не из вредности, а из чувства справедливости, и нужны Академии. Не послушные, не удобные — а настоящие.

…

Сейчас, стоя посреди разгромленной лаборатории, Мириус снова увидел ту самую девочку — только теперь она выросла, стала смелее, изобретательнее, и её импульсивность обрела форму настоящей силы. Да, она снова всё перевернула вверх дном. Но разве не в этом и заключалась её суть — находить то, что скрыто, ломать то, что неправильно, и зажигать там, где другие видели только тьму?

— Ну что, Арника, — проговорил он, возвращаясь в настоящее и указывая на швабру. — Считай, это твоя практика по контролю. А потом мы с тобой сядем и разберём, как твой дар взаимодействует с чужеродной магией. Потому что то, что ты сделала сегодня с ингредиентами, — это не просто ошибка. Это проявление твоего потенциала. И его нужно научиться направлять.

Арника замерла, швабра в её руках вдруг стала казаться не наказанием, а ключом к чему-то большему.

— Правда? — тихо спросила она, и в её аквамариновых глазах вспыхнул тот самый огонёк, который когда-то так поразил профессора на ярмарке.

— Правда, — кивнул он. — Но сначала — уборка. Академия не должна стоять в зелёной слизи из-за чьего-то любопытства. Даже самого талантливого.

И, улыбнувшись уголком губ, он достал из складок мантии ещё один пузырёк — на этот раз с нейтрализующим раствором.

— Держи. Это поможет быстрее справиться. А потом поговорим. О тебе. О твоём даре. И о том, как сделать так, чтобы в следующий раз вместо хаоса получился прорыв.

Глава 3

Арника водила шваброй по полу, размазывая зелёную слизь, которая, казалось, цеплялась за каждую трещинку в каменных плитах, будто не хотела покидать место своего триумфа. Пена шипела, источая едкий запах, и от этого запаха у неё слегка щипало в носу, но она почти не замечала. Мысли крутились не вокруг того, как она нахулиганила и сколько хлопот доставила профессору Мириусу, а вокруг другого — вокруг Эдвина.

Да, где-то на краю сознания мелькало лёгкое сожаление: профессор столько для неё сделал, относился по-отечески, верил в неё, когда другие только качали головами, мол, приютская девчонка, что с неё взять. И вот она снова подвела его. Но это чувство было тихим, коротким, как вспышка далёкой молнии — промелькнуло и погасло.

А вот ярость, горячая и острая, не утихала ни на секунду.

Она вспомнила тот момент, когда всё пошло не так. Эдвин, этот безупречный, вечно с прямой спиной и снисходительной улыбочкой, скользнул мимо её стола так легко, так непринуждённо, будто просто поправил рукав мантии. А на самом деле — бросил в её котёл цветки златолистника. Те самые, что при смешивании с её основой давали реакцию, способную залить всю лабораторию этой проклятой слизью.

И он сделал это так ловко, так точно, что она заметила пакость только тогда, когда уже ничего нельзя было изменить. Когда зелье вспенилось, взметнулось вверх фонтаном и хлынуло во все стороны, заливая полки, столы, даже портрет бывшего декана над дверью.

«Сноб, — думала Арника, с силой проводя шваброй по пятну, которое никак не хотело исчезать. — Вечно старается меня очернить. Считает, что оборванцам из приюта не место в элитной Академии Авалон. Как будто его родословная делает его лучше. Да у меня отметки выше, чем у него! По всем предметам, кроме этикета, который я вообще считаю пустой тратой времени!»

Её обострённое чувство справедливости буквально вопило о возмездии. Не просто так, не в пылу ссоры — а продуманно, изящно. Поставить этого «клопа», как она мысленно его называла, на место. Так, чтобы он понял: с Арникой Кельте шутки плохи. Но при этом — никаких следов. Ни намёка, ни зацепки, которая могла бы привести к ней.

Мысли закружились, складываясь в узоры возможных планов.

Можно было, конечно, подсыпать ему в завтрак что-нибудь безобидное, но заметное — чтобы у него на мантии вдруг проступили светящиеся узоры, которые не смывались бы до вечера. Но нет, слишком просто. Да и могли пострадать другие студенты, если бы он поделился булочкой с соседом. Арника не хотела подставлять невиновных.

Можно было подменить его конспекты — переписать пару формул так, чтобы на семинаре он сел в лужу. Но это тоже казалось слишком мелким. Ей хотелось чего-то… более эффектного. Чего-то, что ударило бы точно в его самое уязвимое место — в его гордость, в его уверенность в собственном превосходстве.

Внезапно её взгляд упал на полку с редкими ингредиентами — ту самую, которую она сегодня едва не опрокинула. Среди склянок и коробочек стоял небольшой сосуд с пыльцой серебристого мотылька. Профессор Мириус строго-настрого запрещал использовать её без надзора: пыльца была безвредной, но обладала удивительным свойством — она реагировала на сильные эмоции. Если человек испытывал стыд, неловкость или сильное волнение, пыльца начинала мягко светиться вокруг него и издавать неприятный запах. А если эмоция была особенно яркой — сияние и запах становилось заметным даже для обычных людей.

Арника замерла, швабра застыла в воздухе. В её голове начал складываться план.

Эдвин должен выступить на завтрашнем практическом занятии — он сам вызвался продемонстрировать сложный ритуал по стабилизации магического поля. Ритуал был непростой,

требовал концентрации и точности. И если в нужный момент что-то отвлечёт его, заставит занервничать… скажем, если прямо перед выходом на демонстрационную площадку кто-то «случайно» опрокинет на него стакан воды… или если в кармане его мантии окажется крошечный мешочек с этой самой пыльцой…

Тогда, когда он встанет перед всей группой, начнёт объяснять, стараясь выглядеть уверенно, и вдруг почувствует, как внутри всё сжимается от напряжения — вот тогда пыльца и сработает. Лёгкое сияние и скверный запах вокруг него станут всё ярче, заметнее. Студенты начнут переглядываться, шептаться и хихикать. А Эдвин будет всё больше нервничать, ошибаться, терять нить рассуждений. И в конце концов поймёт: его безупречный образ дал трещину. И никто не сможет доказать, что это дело рук Арники. Ведь она будет стоять в стороне, с самым невинным видом, и даже, возможно, предложит ему платок, чтобы вытереть капли воды.

Уголки её губ дрогнули в едва заметной улыбке. План был дерзким, но изящным. И главное — он не причинял никому настоящего вреда. Только ставил сноба на место, показывая, что не всё в этом мире подвластно его родословной и манерам.

— Ты чего улыбаешься? — голос профессора Мириуса прозвучал неожиданно близко. Он стоял в дверях, держа в руках ещё один флакон с нейтрализующим раствором. — Считаешь, зелёная слизь — это повод для радости?

Арника тут же сделала лицо максимально серьёзным, хотя внутри всё ещё искрилось предвкушением.

— Нет, профессор, — проговорила она, старательно глядя на швабру. — Просто думаю, как лучше оттереть вот это пятно. Оно будто живое.

Профессор хмыкнул, будто и не поверил ни единому её слову, но спорить не стал.

— Вот это правильно. Сначала уборка. А потом — разговор о твоём даре. И о том, как научиться не только ломать, но и строить.

— Хорошо, профессор, — кивнула Арника, снова опуская взгляд к полу.

Но в её голове уже всё было расставлено по местам. План созрел. Осталось только дождаться подходящего момента. И когда этот момент наступит, Эдвин поймёт: не стоит переходить дорогу Арнике Кельте. Особенно если дело касается справедливости.

Кабинет профессора Мириуса пахнул старой бумагой, воском и едва уловимой пряностью редких трав — здесь время будто текло медленнее, чем в остальном мире. Полки ломились от фолиантов с потрёпанными корешками, на столах громоздились стопки исписанных листов, а в центре комнаты, на небольшом возвышении, стоял круглый стол с нанесёнными на столешницу светящимися рунами — специальная площадка для фиксации магических всплесков.

Вот уже второй год профессор Мириус скрупулёзно изучал дар Арники. Каждый всплеск, каждый неожиданный выброс энергии он заносил в толстую тетрадь с кожаным переплётом, отмечая время, место, эмоциональное состояние девушки и внешние факторы. Он проводил тесты: просил её сосредоточиться на пламени свечи, удержать в воздухе перо, почувствовать тонкие колебания магического поля в разных частях Академии. Но проблема заключалась в том, что дар Арники был нестабилен. Он не подчинялся воле, не отзывался на команды — он вспыхивал непредсказуемо, как случайная искра в сухом лесу. То она случайно гасила свет в коридоре, просто проходя мимо, то, рассердившись на несправедливое замечание преподавателя, неосознанно сдвигала стопку книг на полке, будто невидимая рука толкала их.

— Ещё раз, Арника, — спокойно проговорил профессор, стоя у края площадки и держа в руках тонкую пластину из лунного кварца — она реагировала на малейшие изменения в магическом фоне. — Сосредоточься на точке перед собой. Представь, что между тобой и этой точкой натянута тонкая нить. Ты должна почувствовать её, не глазами, а всем своим существом.

Арника послушно встала в центр круга, закрыла глаза, глубоко вдохнула, пытаясь собрать мысли в кучу. Она действительно старалась. Правда старалась. Но её мысли упрямо разбегались, как непослушные котята, и возвращались к одному и тому же: к Эдвину, к завтрашнему занятию, к маленькому узелку в кармане её мантии.

Пыльца серебристого мотылька лежала там, туго перевязанная тонкой нитью. Арника взяла ровно столько, чтобы профессор не заметил пропажи в хранилище ингредиентов — буквально щепотку, но этого должно было хватить. Она продумала каждую деталь: как незаметно подсыпать пыльцу в карман мантии Эдвина, как устроить отвлекающий манёвр, чтобы никто не заподозрил её причастности. План был дерзким, но изящным, и мысль о том, как высокомерие Эдвина рассыплется на глазах у всей группы, грела её изнутри, заставляя сердце биться чаще.

— Арника, — голос профессора прозвучал чуть строже, но без раздражения. — Ты сейчас где-то очень далеко. Я вижу, что ты стараешься стоять ровно и смотреть в одну точку, но твой дар не откликается, потому что ты его не чувствуешь. Он не живёт в точках и линиях, он живёт в тебе, в твоих эмоциях, в твоём внутреннем огне. А сейчас этот огонь горит совсем не здесь.

Она вздрогнула, открыла глаза и виновато посмотрела на профессора.

— Простите, профессор Мириус, — пробормотала она, опуская взгляд. — Я правда пытаюсь. Просто… голова сегодня тяжёлая.

Профессор вздохнул, отложил пластину и подошёл ближе, но не стал ругать или давить. Вместо этого он мягко улыбнулся и покачал головой.

— Знаешь, Арника, иногда самое честное, что мы можем сделать, — это признать, что сегодня работа не идёт. Я вижу, что твои мысли заняты чем-то другим. И если мы продолжим в том же духе, то только зря потратим время и твои силы. Давай сегодня закончим пораньше. Отдохни, приди в себя, а завтра попробуем снова.

В другой ситуации Арника могла бы обидеться — ей казалось, что её считают несерьёзной, неспособной сосредоточиться. Но в голосе профессора не было упрёка, только усталость и понимание. Он знал, что её дар — это не просто сила, это буря внутри неё, которую невозможно укротить приказом.

— Спасибо, профессор, — тихо сказала она, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает плечи. — Я… я правда постараюсь завтра быть собраннее.

Он кивнул, взял со стола стопку записей и аккуратно сложил их в папку.

— Иди отдыхай. И помни: сила не в том, чтобы всегда быть идеальной. Сила в том, чтобы знать, когда нужно остановиться и перевести дух.

Арника вышла из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь. Коридоры Академии уже наполнялись вечерними тенями, длинные окна отражали последние лучи закатного солнца, окрашивая каменные стены в тёплый янтарный цвет. Она шла по знакомому маршруту к общежитию, чувствуя, как с каждым шагом тяжесть неудавшегося занятия понемногу тает, уступая место предвкушению.

В кармане мантии узелок с пыльцой тихо поскрипывал, касаясь застёжки, и этот едва слышный звук будто отсчитывал секунды до завтрашнего дня. Арника не чувствовала угрызений совести — её чувство справедливости по-прежнему вопило, что Эдвин должен получить по заслугам. И пусть профессор учил её контролировать силу, направлять её во благо, сегодня эта сила должна была послужить справедливости. Пусть и не самым академическим способом.

Добравшись до своей комнаты в общежитии, Арника аккуратно положила узелок на полку под стопкой книг — в самое незаметное место. Она ещё раз мысленно прокрутила план, проверяя каждую деталь, убеждаясь, что нигде не оставила лазейки для подозрений. Всё должно пройти гладко.

А потом она села на край кровати, закрыла глаза и попыталась прислушаться к себе. Не к плану, не к мыслям об Эдвине, а к тому самому внутреннему огню, о котором говорил

профессор. К той силе, которая жила в ней, вспыхивала непредсказуемо и всё же была частью её самой.

«Завтра будет сложный день, — подумала она, слегка улыбаясь своим мыслям. — Сначала — месть. А потом… потом я постараюсь быть внимательнее на занятиях. Обещаю».

И, укрывшись тонким пледом, она позволила себе на несколько минут забыть обо всём, кроме тихого гула Академии за стенами комнаты и мягкого света лампы, который рисовал на стенах причудливые тени. Завтрашний день должен был стать особенным. И Арника была к нему готова.

Глава 4

Зал Материй гудел, как растревоженный улей: ряды скамеек были забиты до отказа, даже у колонн стояли студенты, вытянув шеи, чтобы ничего не пропустить. Сегодня была не просто лекция — это был экзамен видимости, шанс блеснуть перед преподавателями и однокурсниками, доказать, что ты не просто зубришь формулы, а чувствуешь материю.

Арника сидела в третьем ряду, чуть сбоку, где её почти не было видно с кафедры, но откуда отлично просматривалась сцена. На губах у неё играла едва заметная улыбка, а пальцы спокойно лежали на коленях, будто она и правда пришла сюда лишь учиться. Но в этих пальцах совсем недавно таилась щепотка редкой пыльцы — той самой, что не оставляет следов, но вступает в реакцию с любым всплеском эмоций. Арника знала: Эдвин не выдержит. Он всегда слишком сильно хотел, чтобы его заметили, слишком сильно боялся ошибиться.

Она действовала тонко. Не сама подсыпала — нет, это было бы слишком грубо. Она лишь скользнула мимо него в коридоре, будто случайно задела плечом, и в тот миг пыльца невесомо осела на его мантию, на рукава, на воротник. А потом — ещё один маленький штрих: она шепнула что-то первокурснику, который нёс вазу с цветами для демонстрации. Всего пара слов, брошенных как бы между делом, и тот, смущённый вниманием старшекурсницы, сбился с шага. И когда он проходил мимо Эдвина, ваза качнулась, вода плеснула — не потоком, не водопадом, а так, по-мелочному, обидно: несколько капель на рукав, брызги на ботинки, тонкая струйка, стекающая по краю вазы.

Эдвин даже не сразу понял, что произошло. Только почувствовал холод на ткани и услышал короткий смешок из задних рядов. Он резко обернулся, но первокурсник уже торопился прочь, опустив голову, а в зале кто-то хихикнул, кто-то фыркнул, и этот звук, как искра, пробежал по рядам.

А потом настала его очередь.

Преподаватель кивнул, и Эдвин поднялся на сцену. Он шёл твёрдо, расправив плечи, стараясь не думать о мокрых ботинках и о том, как нелепо выглядит пятно на рукаве. В голове у него всё было идеально: вступление, демонстрация, финальный жест, который должен был заставить кристаллы вспыхнуть всеми цветами спектра. Он даже улыбнулся залу — уверенно, почти дерзко.

И сначала всё шло хорошо. Голос звучал ровно, слова ложились одно за другим, пассы были чёткими, выверенными до миллиметра. Кристаллы на столе тихо зазвенели, отзываясь на его магию, и по залу прокатился лёгкий шёпот — не насмешливый, а восхищённый. Кто-то даже прошептал: «Вот это уровень…»

Но чем дольше он говорил, тем сильнее внутри нарастало это неприятное чувство — будто кто-то наблюдает за каждым его движением, ждёт, что он оступится. Волнение, которое он так старательно прятал, начало пробиваться наружу. Сначала это был едва заметный жар в груди, потом — лёгкое покалывание в пальцах. А затем…

Он начал светиться.

Сначала это выглядело почти красиво: тонкая аура вокруг его рук, мерцание на кончиках пальцев, будто он сам стал источником света. Но свет становился ярче, гуще, и вместе с ним в воздухе появился запах. Странный, неприятный, напоминающий пережжённый металл и гниющие травы — запах, который невозможно было игнорировать.

В зале зашептались громче. Кто-то закашлялся, прикрывая нос рукавом. Кто-то не выдержал и хихикнул в голос. Потом ещё один, ещё… И вот уже весь зал гудел, переглядывался, тыкал пальцами, а Эдвин всё ещё пытался держаться. Он продолжал говорить, делал пассы, пытался заставить кристаллы вспыхнуть, но вместо красивого эффекта они лишь слабо мерцали, словно боялись реагировать на его магию.

Запах становился невыносимым. Студенты морщились, отворачивались, прикрывали носы платками и книгами. Кто-то даже встал, будто собирался выйти, но тут же сел обратно — из любопытства, из желания досмотреть, чем всё закончится.

Эдвин чувствовал, как рушится его выступление. Он видел эти взгляды, слышал этот шёпот, ощущал, как жар внутри превращается в гнев. А гнев только усиливал реакцию: свет становился ослепительным, запах — едким. Он уже не думал о кристаллах, не думал о формулах — он думал только о том, как бы не сорваться, не закричать на весь зал, не швырнуть что-нибудь в сторону этих смеющихся лиц.

И в этот момент он понял.

Это была не случайность. Не сбой заклинания. Не его ошибка.

Ему подложили свинью.

Взгляд его метнулся по залу, выискивая хоть одно знакомое лицо, хоть намёк на того, кто мог это сделать. И вдруг он увидел её.

Арника.

Сидела спокойно, чуть наклонив голову, будто искренне пыталась понять, что происходит. Но в её глазах плясали искры веселья, которые она даже не пыталась скрыть. И в эту секунду всё встало на свои места: и пыльца, и споткнувшийся первокурсник, и этот странный, нарастающий эффект.

Эдвин сжал кулаки, и свет вокруг него вспыхнул так ярко, что в зале на мгновение потемнело, а потом снова стало светло — но уже не от магии, а от того, что кто-то распахнул окна, впуская свежий воздух.

Он хотел что-то сказать — обвинить, потребовать объяснений, бросить ей в лицо хоть слово. Но слова застряли в горле. Вместо этого он сделал единственное, что мог: резко опустил руки, оборвав заклинание, и шагнул назад, прочь от стола с кристаллами, прочь от взглядов, от шёпота, от этого невыносимого запаха.

Зал замер на секунду — и тут же взорвался шумом. Кто-то ахнул, кто-то засмеялся, кто-то начал обсуждать, что это был за эффект, а преподаватель, наконец, поднялся со своего места и вышел на сцену, пытаясь взять ситуацию под контроль.

А Арника… Арника просто улыбнулась чуть шире, будто услышала именно тот звук, ради которого всё и затевалось. Она не стала задерживаться — поднялась, скользнула между рядами и вышла из зала, оставив за собой тишину, которая была громче любого крика.

Зал ещё гудел, но этот гул доносился до Эдвина будто сквозь толщу воды — искажённый, чужой, равнодушный. Он стоял за кулисами, пальцы впивались в грубую ткань занавеса так, что костяшки побелели. Перед глазами всё ещё плясали строчки выступления, которые он повторял сотни раз, отшлифовывая интонацию, выверяя паузы. И всё пошло прахом. Не из-за ошибки — из-за неё. Из-за Арники.

— Ты в порядке? — рядом мелькнул силуэт однокурсника, голос звучал осторожно, будто к раненому зверю подходил.

Эдвин не ответил. Он даже не повернул головы. Слова застряли где-то в горле, горькие и тяжёлые, как свинец. Вместо этого он резко дёрнул занавес, и ткань чуть не сорвалась с креплений.

— Да что с тобой? — голос стал громче, настойчивее.

— Со мной всё в порядке, — процедил Эдвин, и сам услышал, как фальшиво это прозвучало. — Просто… оставь меня.

Однокурсник замер на секунду, потом молча отступил, растворился в полумраке коридора. Эдвин остался один — и только тогда позволил себе выдохнуть. Но выдох этот вышел не облегчением, а рычанием, сдавленным и злым.

Он сорвал с себя парадный камзол, швырнул его на стул — тот покачнулся и едва не упал. В груди всё горело, и это пламя не хотело гаснуть. Раньше их пикировки с Арникой

были чем-то вроде дуэлей на шпагах — острых, но по правилам: колкость в ответ на колкость, маленькая шалость, чтобы сбить с толку. Он мог подменить её конспект на пустой лист, она — незаметно подложить ему в сумку паука. Это было игрой.

А теперь игры кончилась.

«Эта оборванка в элитной академии…» — мысль царапнула изнутри, едкая и безжалостная. Он ненавидел себя за эти слова даже больше, чем произносил их. Но сейчас ненависть к себе тонула в другой, куда более сильной ненависти — к несправедливости, к тому, как легко она забрала у него этот вечер.

Эдвин шагнул к окну, распахнул створку. Холодный ветер ворвался внутрь, взъерошил волосы, остудил пылающее лицо, но не тронул ту ярость, что кипела внутри. Он смотрел на двор академии — на ровные дорожки, на фонари, отбрасывающие жёлтые круги света, на фигуры студентов, которые шли парами, смеялись, обсуждали выступление.

Он сжал кулаки, ногти впились в ладони. Боль отрезвляла.

«Война, — подумал он, и слово прозвучало в голове твёрдо, окончательно. — Теперь это война».

И на войне, как говорят, все средства хороши.

Эта мысль не пугала его. Она придавала сил. Он больше не будет ограничиваться детскими шалостями. Больше не будет надеяться, что всё уладится само собой. Если Арника хочет играть по-крупному — он ответит тем же. Пусть знает, что нельзя просто так прийти, украсть чужой момент и выйти из этого сухой.

Эдвин медленно опустил взгляд на свои руки. Пальцы всё ещё дрожали от напряжения, но в глазах уже не было растерянности. Только холодная решимость.

Он сделал глубокий вдох, потом ещё один. Ветер стих, будто прислушивался к его тишине. Где-то вдалеке хлопнула дверь, кто-то засмеялся — обычный вечерний шум академии, который сегодня казался ему насмешливым эхом.

Но он больше не позволит этому эху сбить его с толку.

Повернувшись, Эдвин подошёл к столу, выдвинул ящик и достал блокнот. Чистый лист смотрел на него белой пустотой. Он взял перо, обмакнул в чернила — капля упала на бумагу, расплылась тёмным пятном. Эдвин не стал стирать. Вместо этого он начал писать. Не стихи, не конспект, не письмо. План.

Пункт первый: выяснить, что для Арники действительно важно в академии. Слабое место.

Пункт второй: понять, кто её союзники. Кто шепчет ей на ухо, кто прикрывает её спину.

Пункт третий: выбрать момент. Не сейчас, когда эмоции кипят. Позже. Когда он сможет ударить точно, без дрожи в руке.

Перо скользило по бумаге, вырисовывая ровные строки. С каждой буквой ярость становилась не слепой, а направленной. Она больше не жгла его изнутри — она становилась инструментом.

Когда страница была заполнена, Эдвин отложил перо. На губах мелькнула тень улыбки — не той, что у Арники, дерзкой и свободной, а жёсткой, холодной. Улыбки человека, который принял вызов.

За окном зажёгся ещё один фонарь, и его свет лёг на страницу, подсвечивая написанное. Эдвин закрыл блокнот.

Теперь он знал, что делать.

Глава 5

Коридоры академии в этот час казались Арнике почти родными — знакомые повороты, скрип половиц, запах воска и старых книг, который не выветривался даже после летних каникул. Она шла, слегка прижимая к груди папку с набросками расчётов, и улыбалась каким-то своим мыслям. В голове всё ещё звучали аплодисменты вчерашнего вечера, но теперь они не кружили голову, а скорее грели, как тёплый шарф в морозный день.

Арника искренне верила, что всё позади. Их с Эдвином бесконечные пикировки, эти мелкие стычки, которые раньше будоражили кровь, теперь казались ей чем-то вроде детской игры — вроде догонялок во дворе, когда ты бежишь, смеёшься, а потом просто заходишь домой и забываешь до следующего дня. Вчерашнее выступление, по её мнению, расставило всё по местам: она показала, на что способна, он… Но теперь они квиты. Можно спокойно жить дальше. Заниматься своим делом. Тем, что по-настоящему важно.

А важным для неё сейчас было совсем не соперничество. Важным была магия, застывшая в крошечной капле внутри её броши.

Это вышло почти случайно. В тот день она спешила на лекцию, пальцы дрожали от предвкушения, и когда в коридоре вдруг вспыхнула её сила — не яркая, не разрушительная, а такая, будто искра сорвалась с кончика пальца, — Арника даже не сразу поняла, что произошло. Только потом, уже в лаборатории, машинально коснувшись броши, она почувствовала знакомое покалывание. Слабое, едва уловимое, но настоящее. Магия не рассеялась. Она… осталась.

С этого всё и началось.

Профессор Мириус, услышав её сбивчивый рассказ, сначала нахмурился, будто она предложила ему искать золото в пыли. Но когда Арника протянула ему брошь и позволила провести простой тест, его брови взлетели вверх, а в глазах вспыхнул тот самый огонёк, который бывает у учёных, когда они нащупывают что-то по-настоящему новое.

— Портативный накопитель магии, — пробормотал он тогда, вертя брошь в пальцах. — Никто не пытался сделать это системно. Все искали, как удержать силу в больших артефактах, в кристаллах, в печатях… А ты говоришь о чём-то маленьком. Компактном. Доступном.

И они начали.

Сейчас их лаборатория была спрятана в дальнем крыле, в комнате, которую раньше использовали как склад старых учебников. Пыль с полок стёрли, столы расчистили, и теперь здесь пахло не затхлостью, а озоном и горячим металлом. Они проверяли один материал за другим: серебро удерживало магию недолго, словно вода сквозь пальцы; медь давала странный, нестабильный эффект; а вот сплав, который Мириус нашёл в старых записях, вдруг показал нечто удивительное — он не просто удерживал заряд, он будто «впитывал» его, распределяя по всей структуре.

— Это может изменить всё, — тихо говорил профессор, глядя на мерцающую иглу, в которую они закачали крошечный импульс. — Представь: портативные накопители. Не громоздкие артефакты, а маленькие, удобные вещи. Броши, кольца, даже застёжки на плащах. Магия станет доступной не только для избранных, но и для обычных людей. Для ремесленников, для врачей, для тех, кто просто хочет защитить свой дом.

Арника слушала и едва сдерживала дрожь в пальцах. Не от страха, а от восторга. Они работали в строгой секретности — не потому, что не доверяли коллегам, а потому, что знали: стоит кому-то пронюхать об этом, и их идею могут украсть ещё до того, как они успеют оформить патент. А патент — это не просто бумага. Это возможность обеспечить себя, это признание, это доказательство, что она, «эта оборванка», как шептались за её спиной, действительно чего-то стоит.

Сегодня они наконец приблизились к чему-то важному. Мириус записал несколько формул, Арника набросала схему нового эксперимента, и, выходя из лаборатории, она чувствовала себя лёгкой, почти невесомой. Даже тяжёлый замок на двери, который они запирали каждый раз, казался ей не преградой, а щитом — надёжным, крепким, защищающим их хрупкое открытие.

Она шла по коридору, рассеянно касаясь пальцами стены, и думала о том, как завтра попробует новый сплав — тонкий, почти прозрачный, похожий на застывшее стекло. Интересно, сколько заряда он сможет удержать? Хватит ли его на одно заклинание или на целую серию?

В этот момент из-за поворота выскользнула первокурсница, чуть не врезавшись в Арнику.

— Ой, простите! — пискнула девочка, испуганно округлив глаза. — Я просто… спешу…

Арника улыбнулась, мягко коснулась её плеча, чтобы успокоить.

— Ничего страшного. Главное — не беги так по лестницам, а то свернёшь шею.

Девочка кивнула, ещё раз виновато пискнула и умчалась дальше, а Арника продолжила свой путь, уже не замечая ничего вокруг. Она думала о формулах, о сплавах, о том, как будет выглядеть первый настоящий накопитель — маленький, изящный, но способный хранить в себе целую бурю магии.

Она не знала, что где-то в другой части академии Эдвин сжимает в пальцах листок с её именем, а в груди у него кипит не просто обида, а холодный, расчётливый гнев.

Он ещё не знал про лабораторию, про сплавы, про патент. Но если узнает… если хоть краем уха услышит, что у Арники есть что-то, что может стать её триумфом, — он не остановится. Он сотрёт это с лица земли, лишь бы она не смогла снова оказаться выше него.

А Арника шла, ничего не подозревая, и тихонько напевала себе под нос какой-то незамысловатый мотив. Для неё этот день был просто хорошим днём. Днём, когда наука делала ещё один маленький, но уверенный шаг вперёд.

Эдвин сидел в полутёмной нише у старой лестницы — там, где стены были толще, а шаги по коридору звучали глухо, будто кто-то шёл по ковру из пепла. Перед ним на коленях лежал потрёпанный блокнот, исписанный неровным почерком: имена, даты, короткие заметки о том, кто с кем говорил, кто куда спешил. Это была не учёба. Это была карта войны.

Он не верил в случайности. И он был уверен: слабое место есть у каждого. Просто его нужно выследить.

Первым делом он пошёл туда, где люди теряют осторожность — в общую гостиную. Там, среди смеха и споров, легче всего услышать лишнее слово. Он не подсаживался к компаниям, не пытался казаться своим. Достаточно было сидеть чуть в стороне, делать вид, что листает конспект, а сам ловить обрывки фраз.

— Слышал, Арника опять пропала в библиотеке… — шепнул кто-то у камина. — Говорят, она с Мириусом что-то мутит.

— Да брось, — фыркнул другой голос. — Наверное, опять формулы свои переписывает.

— Не просто формулы. Видел, как она тащила коробку с какими-то пластинками. Странные такие, полупрозрачные…

Эдвин не поднял головы, но в блокноте появилась новая строчка: «дальнее крыло», «Мириус», «пластинки».

Потом он пошёл к библиотекарю — не напрямую, конечно. Он знал, что если начнёт расспрашивать про Арнику, старик сразу насторожится. Поэтому он спросил про то что берут в последнее время. Библиотекарь прищурился, поправил очки и выдал ему три потрёпанные книги с пометками на полях. Эдвин не читал их, ему нужны были какие-нибудь зацепки. Он

посмотрел в формулярах книг кто их брал, и увидев имя Арники выписывал в свой блокнот названия книг.

А потом он увидел её — не саму Арнику, а её тень. В тот вечер он дежурил у поворота к дальнему крылу, прячась за статуей старого ректора. Она шла быстро, почти бежала, прижимая к груди папку. За ней, чуть отставая, шагал профессор Мириус, седой, сутулый, но с той особой собранностью, которая бывает у людей, знающих, что они на пороге чего-то большого. Они свернули в узкий коридор, где висела табличка «Посторонним вход воспрещён», и исчезли за тяжёлой дверью.

Эдвин подождал минуту, потом ещё одну. Потом подошёл к двери и прижался ухом к холодному дереву. Изнутри доносились голоса — тихие, напряжённые, но не ссорящиеся, а будто соревнующиеся в точности.

— …если мы увеличим процент серебра, заряд будет рассеиваться быстрее. Нужно искать баланс.

— А если попробовать стекловидный сплав? В прошлый раз он показал…

Дальше слова сливались в гул, но Эдвин уже знал главное: они что-то нашли. Что-то, что может стать её триумфом. И это бесило его сильнее всего.

Не то, что она умная. Не то, что она упорная. А то, как она относилась к этому делу — с какой-то почти священной одержимостью. Для неё это не было игрой. Для неё это было призванием. И в этом была её сила — и её уязвимость.

Больше всего Эдвина бесила именно эта её увлечённость наукой. То, как она загоралась, стоило только заговорить о формулах. То, как её глаза становились ярче, когда она объясняла что-то Мириусу, будто весь мир сужался до одной-единственной задачи. Это было не тщеславие — тщеславие он бы понял и использовал. Это было нечто большее: вера в то, что её труд имеет значение. И эта вера делала её неуязвимой для обычных подколок и мелких пакостей.

«Она думает, что спасает магию, — зло подумал Эдвин, отходя от двери. — Думает, что делает что-то великое. А на самом деле…»

На самом деле он не хотел думать, что это действительно великое. Он не хотел признавать, что у неё может получиться. Потому что если получится — это будет означать, что она победила не только в учебе. Она победит везде.

И тогда он решил копать глубже. Не просто собирать слухи. Найти то, без чего её проект рухнет. Слабое звено.

Следующим утром он подкупил одного из младших лаборантов — не деньгами, а услугой: пообещал помочь сдать сложный зачёт по рунной графике. Взамен получил короткий отчёт: в какое время Мириус где находится, какое сырье брал в последнее время. Всё это легло в его блокнот аккуратными пунктами, рядом с которыми он ставил галочки.

К полудню у него уже была схема: расписание, маршруты, имена тех, кто мог проболтаться. Но этого было мало. Ему нужно было увидеть саму суть — понять, что именно они пытаются запатентовать. И тут ему повезло.

В столовой он сел за стол рядом с первокурсницей, которая вечно суетилась и говорила слишком много. Она сама начала рассказывать —про то, как Арника чуть не расплакалась, когда какой-то первый образец рассыпался в пыль. Эдвин кивал, будто слушал из вежливости, а сам запоминал каждое слово.

Теперь он знал: их открытие хрупкое. Оно зависит от материалов, от условий, от точности расчётов. И значит, его можно сломать.

Когда солнце уже садилось, окрашивая коридоры в рыжий цвет, Эдвин вернулся в свою нишу и перечитал все записи. Строчки складывались в план. Не импульсивный, не эмоцио-

нальный — холодный и точный. Он не собирался устраивать скандал. Он собирался ударить туда, где больнее всего: в её веру в этот проект.

«Пусть она поймёт, — думал он, закрывая блокнот, — что не всё так просто. Что мир не будет стоять и аплодировать, пока она чертит свои схемы. Что за каждым успехом стоит кто-то, кто готов его разрушить».

И он будет этим кем-то.

Глава 6

Арника шла по дорожке от общежития к учебным корпусам, привычно прижимая к груди стопку учебников. Утро пахло свежей травой и свежим хлебом из маленькой пекарни на углу — этот запах она обожала. В воздухе ещё висела лёгкая сырость после ночного дождя, и капли на листьях вспыхивали в первых лучах солнца, будто крошечные алмазы.

День начинался как всегда: ранний подъём, чашка крепкого чая с ложкой мёда, короткая зарядка у открытого окна. Потом — сборы, когда каждый предмет нужно было уложить в сумку так, чтобы ничего не помялось и не потерялось. Арника любила эту рутину. В ней было что-то надёжное, как строчка в хорошо сшитом платье: простая, но держит всю конструкцию.

Академия встретила её привычным гулом голосов, скрипом дверей и запахом мела и старой бумаги. Лекции тянулись одна за другой, и Арника старательно выводила в тетради аккуратные строчки, стараясь не упустить ни одной детали. Для неё учёба была не просто обязанностью — это был способ спрятаться от лишних мыслей, погрузиться в чужой, понятный мир формул, дат и чисел, где всё имело объяснение и логику.

После занятий она направилась в библиотеку — своё любимое место в академии. Здесь время будто замедлялось. Высокие стеллажи, пахнущие старой бумагой и лаком, создавали ощущение уюта и защищённости. Арника устраивалась в углу за любимым столом у окна, раскладывала тетради и терялась в книгах. Иногда она ловила себя на том, что читает одну и ту же строчку по три раза, потому что мысли уносились куда-то в сторону, но потом снова возвращалась к тексту, словно цепляясь за него, как за якорь.

Она не замечала, как за окном сгущаются сумерки, пока библиотекарь не подходил к её столу и мягко напоминал, что пора собираться. Тогда Арника вздыхала, собирала вещи и выходила на улицу, где служащие уже зажигали огни.

А в это время, совсем недалеко отсюда, в полутёмной комнате с тяжёлыми шторами, сидел Эдвин. На столе перед ним лежал потрёпанный блокнот, исписанный мелким, почти неразборчивым почерком. Он делал вид, что ничего не произошло. Что тот конфуз на выступлении не оставил в его душе ни царапины. На людях он держался отстранённо, даже небрежно, будто Арника была для него пустым местом, чем-то незначительным, не стоящим внимания.

— У меня дела поважнее, — бросал он своим приятелям, отмахиваясь от любых разговоров.

Но стоило двери закрыться, как маска равнодушия сползала с его лица. Эдвин становился собранным, сосредоточенным, почти хищным. Он слушал, что рассказывали его дружки, просеивал каждое слово сквозь сито подозрений и догадок. Любая мелочь могла оказаться важной: с кем Арника говорила на перемене, какой дорогой ходила в библиотеку, какие книги брала. Даже то, что она каждый день брала в столовой булочку с корицей, попадало в его записи.

Его дружки кружили вокруг неё, как тени, стараясь оставаться незаметными. Они подмечали детали, которые сама Арника считала пустяками: как она смеётся, когда кто-то шутит, как поправляет прядь волос, когда волнуется, как замирает на секунду, прежде чем войти в здание академии. Всё это Эдвин аккуратно заносил в блокнот, выстраивая невидимую сеть вокруг девушки.

Он пока решил затаиться. Не делать резких движений, не выдавать своего интереса. Пусть она живёт своей обычной жизнью, верит, что всё по-прежнему. Но Эдвин знал: рано или поздно наступит момент, когда он сделает свой ход. А пока он терпеливо собирал сведения, как коллекционер собирает редкие монеты — одну за другой, бережно и внимательно.

И Арника, возвращаясь домой по освещённым дорожкам, даже не подозревала, что за её спокойной, размеренной жизнью кто-то наблюдает. Что каждый её шаг, каждое слово, каждый взгляд фиксируются и анализируются. Она просто радовалась тому, что день прошёл, что

удалось выучить новую тему и найти в библиотеке редкую книгу, о которой давно мечтала. Для неё это был обычный день. А для Эдвина — ещё один кусочек головоломки, который он аккуратно укладывал на своё место.

Эдвин стоял у приоткрытой двери в пустую аудиторию — он зашёл туда, чтобы проверить конспекты, которые, как ему казалось, оставил на кафедре, а теперь просто не хотел сталкиваться ни с кем из знакомых. В коридоре было шумно: студенты перекрикивались, хлопали дверями, кто-то смеялся. Но среди этого гула он вдруг выхватил голос Арники — тихий, но отчётливый.

Она стояла чуть дальше по коридору, прислонившись к стене, и разговаривала с одногруппницей — той самой веснушчатой девушкой, что вечно носила шарфы с яркими узорами. Эдвин не собирался подслушивать. Но голос её прозвучал так ясно, будто она стояла прямо перед ним, и он замер, сам не понимая почему.

— Прости, я правда не смогу, — говорила Арника, виновато опуская глаза и теребя край своего пиджака. — Я знаю, день рождения, всё красиво, ты столько готовила… Но у меня сегодня другое дело.

Одногруппница надулась, но не зло, а скорее обиженно:

— Ну вот… Мы же договаривались! Ты обещала, что придёшь. В комнате уже всё украшено, торт купили. Даже гирлянду повесили.

Арника вздохнула, подбирая слова:

— Я не отменяю, просто… не смогу именно сегодня вечером. Это не каприз, правда. У меня… ну, кое-что важное. Я не могу это пропустить.

— Важнее дня рождения? — фыркнула девушка, но тут же смягчилась, увидев, как Арника закусила губу. — Ладно, ладно… Просто скажи хоть, что за дело. Или хотя бы дай знать, когда сможешь. Мы без тебя не будем задувать свечи, честно.

— Спасибо, — тихо сказала Арника. — Я сообщу. Обещаю.

Они обнялись на прощание, и одногруппница ушла, то и дело оглядываясь. Арника постояла ещё немного, будто собираясь с силами, потом поправила сумку и направилась к выходу из корпуса.

Эдвин отступил вглубь аудитории и замер у окна, пока она не скрылась за поворотом. Его сердце билось ровно, но в голове уже крутились шестерёнки. «Другое дело», — повторил он про себя. Не просто «не хочется», не «заболела», а «важное дело». И это слово — «важное» — зацепило его сильнее всего.

Он достал из кармана потрёпанный блокнот и, не раздумывая, записал: *«Вечер. Не идёт на др. Важное дело. Уточнить маршрут»*. Почерк был мелким, почти неразборчивым, но Эдвин знал каждую строчку наизусть ещё до того, как успевал её дописать.

Решение пришло мгновенно. Он не станет действовать открыто. Он просто последует за ней. Незаметно. Так, чтобы она даже не почувствовала его присутствия.

Когда Арника вышла из здания, Эдвин держался на расстоянии — то прячась за углом, то ныряя в тень деревьев. Он шёл так, будто просто гуляет, будто ему некуда спешить. На самом деле он отмечал каждую её остановку, каждый поворот, каждую мелочь: как она на секунду замирает, как поправляет волосы, когда ветер бросает их в лицо, как смотрит на часы, будто проверяя, успевает ли.

Территория академии вокруг жила своей жизнью: по парку сновали студенты, из корпуса столовой доносился запах жареного лука и корицы, преподователи спешили по своим делам. Для них Арника была просто студенткой , которая идёт по своим делам. Но для Эдвина она стала центром невидимой карты, которую он чертил в голове.

Он не знал, куда она направляется. Но был уверен: это «важное дело» — ключ ко всему. И если он узнает, что скрывается за этой тайной, он поймёт, наконец, как действовать дальше.

А Арника шла вперёд, не подозревая, что за ней тянется тонкая, почти невидимая нить чужого внимания. Она думала о своём — о том, что нужно успеть, о том, как потом извинится перед одногруппницей, о том, что вечер может всё изменить. И в этой сосредоточенности на собственных заботах она не замечала, что кто-то очень внимательно следит за каждым её шагом.

Глава 7

Солнце уже зашло, и коридоры академии окрасились в густой янтарь, от света магических светильников — будто кто-то пролил жидкий мёд на каменные плиты. Арника почти бежала, но всё же умудрялась не нарушать приличий: подол платья она придерживала не слишком высоко, шаги были быстрыми, но не суетливыми, а взгляд — цепким, как у хищной птицы. В груди трепетало предвкушение, от которого хотелось то ли рассмеяться, то ли подпрыгнуть, но она сдерживалась: сегодня был день, когда всё должно было получиться.

Новый сплав — их с профессором Мириусом детище. Не просто металл, а проводник, способный удерживать магический заряд дольше, чем любой известный аналог. Если расчёты верны, это перевернёт всё: от бытовых чар до боевых заклинаний. Арника чувствовала, как в пальцах покалывает от нетерпения — ей не терпелось увидеть, как металл вспыхнет тусклым, но устойчивым светом, как стрелка гальванометра дрогнет и застынет, подтверждая успех.

Она скользнула в крыло, где на двери висела табличка: «Посторонним вход запрещён». Табличка была старой, краска местами облупилась, но строгость надписи от этого не теряла силы. Арника на мгновение задержалась, прислушиваясь: в коридоре было тихо, только где-то далеко капала вода из неисправного крана. Убедившись, что рядом никого нет, она быстро прошла дальше, к самому дальнему концу коридора, где за неприметной дверью и пряталась их импровизированная лаборатория.

Когда Арника толкнула дверь, её встретил тёплый, чуть пыльный воздух, насыщенный запахом озона, металла и старых книг. Профессор Мириус уже был внутри — сосредоточенный, немного растрепанный, в заляпанном чернилами халате, он склонился над столом, перебирая какие-то бумаги. Услышав скрип двери, он поднял глаза и улыбнулся — не широкой, а сдержанной, почти заговорщической улыбкой.

— А, вот и вы, моя дорогая, — тихо произнёс он. — Я уже начал волноваться, что вы передумаете.

— Ни за что, — выдохнула Арника, сбрасывая лёгкую накидку и закатывая рукава. — Я готова.

Они закрыли дверь изнутри и, не теряя ни секунды, наложили полог тишины — заклинание, которое обволакивало комнату невидимым коконом, не пропуская ни звука наружу. Теперь даже если бы в коридоре кто-то закричал, здесь не услышали бы ни слова. И наоборот.

На столе лежал слиток — тусклый, ничем не примечательный на первый взгляд, но Арника знала: в нём скрыта сила. Профессор достал из ящика набор инструментов: щипцы, пробирки, маленький генератор, который тихо гудел, словно недовольный кот. Арника взяла в руки кристалл-индикатор — прозрачный, с едва заметной голубоватой прожилкой. Её пальцы слегка дрожали, но не от страха, а от напряжения, от того, как сильно хотелось, чтобы всё получилось.

— Начнём, — сказал профессор, и в его голосе прозвучала та самая торжественность, которую Арника так ценила: без пафоса, но с глубоким уважением к делу.

Они работали слаженно, почти не переговариваясь — месяцами отработанный ритм, когда слова только мешают. Профессор подавал инструменты, Арника настраивала параметры, проверяла соединения, следила за показаниями. Металл нагревался, сначала медленно, потом всё быстрее, и вот — наконец — по его поверхности пробежала тонкая, едва уловимая искра. Кристалл в руке Арники вспыхнул мягким голубым светом и не погас, а замер, удерживая заряд.

— Получилось, — прошептала она, боясь спугнуть удачу громким словом.

Профессор кивнул, и в его глазах мелькнуло то самое выражение, которое Арника видела только в моменты настоящих открытий — смесь гордости, удивления и тихой радости.

— Да, — подтвердил он. — Сплав держит заряд. Стабильно. Это… это прорыв.

Арника хотела было рассмеяться, но вместо этого глубоко вздохнула, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Они сделали это.

Тем временем Эдвин проследовал за Арникой, стараясь держаться на безопасном расстоянии. Он видел, как она скользнула в запретное крыло, как исчезла за тяжёлой дверью с облупившейся табличкой. Он не узнал ничего конкретного — только то, что всё держится в строжайшем секрете, и что для Арники это очень важно. Но и этого хватило.

План созрел мгновенно, словно сам собой сложился из обрывков мыслей, наблюдений и старых обид. Эдвин не собирался действовать нахрапом — нет, он хотел сделать всё тонко и искусно, так, чтобы никто не догадался, кто стоит за происходящим. Довольный тем, что теперь он знает секрет девушки, он достал из кармана потрёпанный блокнот и быстро набросал несколько строк — не просто идеи, а чёткий план действий, с шагами, сроками и возможными вариантами развития событий.

Когда в его мыслях нарисовался чёткий контур плана, настроение Эдвина улучшилось в разы. Напряжение, которое копилось в нём неделями, будто испарилось, уступив место холодному, почти приятному предвкушению. Он позволил себе в этот вечер пойти на вечеринку, которую организовывал один из его приятелей. Там было всё, что раньше его раздражало: тайно пронесённый алкоголь, шум, смех, девицы, которые не прочь были провести время в компании богатеньких студентов. Но сегодня всё казалось другим — не пустым и бессмысленным, а почти… забавным.

Эдвин был весел, много и охотно употреблял алкоголь, шутил, смеялся над чужими шутками, даже флиртовал — не всерьёз, а так, для вида, чтобы никто не заподозрил, что его мысли заняты совсем другим. Приятели заметили перемены в поведении своего товарища и были только рады: «Старина Эдвин Кросс наконец вылез из своей скорлупы уныния и стал прежним!» — переговаривались они, хлопая его по плечу. Никто и не подозревал, что на полке в его комнате лежит блокнот, и там, между страницами, исписанными мелким почерком, составлен план мести для Арники.

И пока в тихой лаборатории, укрытой пологом тишины, рождался новый сплав, способный изменить мир, в шумной, захмелевшей толпе Эдвин улыбался и делал вид, что он такой же, как все. Но в глубине души он знал: скоро всё изменится. И он будет к этому готов.

Эдвин не спал почти всю ночь — перед глазами то вспыхивали строчки из блокнота, то лицо Арники в тот момент, когда она скользнула за запретную дверь, уверенная, что никто её не видит. План, казавшийся в академии дерзким, а в тишине комнаты почти гениальным, теперь, с рассветом, начал отдавать горечью. Он знал: то, что он задумал, не просто рискованно — это прямая дорога к потере всего.

В королевстве чародейство было делом государственным. Каждый маг состоял в реестре, проходил аттестацию, отчитывался о крупных заклинаниях, а уж заклинания с отсроченным действием давно числились в списке запрещённых. Не потому, что они были особенно разрушительными — а потому, что их нельзя было отследить в момент активации. Это делало их оружием предателей, инструментом заговоров и тихих убийств. Лицензию за такое отбирали без разговоров, а пятно позора ложилось не на одного человека — на весь род. Семья Кросс гордилась своей безупречной репутацией, и Эдвин прекрасно понимал: если его поймают, отец не сможет смотреть ему в глаза, а имя их дома будет шептать каждый второй в коридорах академии.

Но желание поквитаться с Арникой, стереть с её лица эту уверенную, почти снисходительную улыбку, оказалось сильнее страха. Он не хотел просто навредить — он хотел, чтобы она почувствовала беспомощность.

Выходные пришли как нельзя кстати. Поездка домой была обязательной — отец ждал, в доме пахло воском и старым деревом, всё было на своих местах, и от этой привычной правильности Эдвину становилось ещё неуютнее. Он старался держаться спокойно, отвечать на вопросы матери, кивать отцу, но мысли его были далеко.

Старший кузен Ронан, как всегда, держался особняком. Он редко появлялся на семейных обедах, и когда всё же приходил, в его взгляде читалось что-то такое, что заставляло даже отца говорить с ним чуть мягче, чем с остальными. Ронан не был злодеем — но он умел обходить правила так ловко, будто они были не законами, а просто неудобными рекомендациями.

Эдвин дождался вечера, когда дом затих, и нашёл кузена в библиотеке — тот листал потрёпанный том по алхимии, будто искал в нём не формулы, а оправдания своим поступкам.

— Ты не знаешь… — начал Эдвин, стараясь, чтобы голос звучал небрежно, — есть ли у тебя кто-то на примете… из тех, кто может… ну, сделать что-то… не совсем официальное?

Ронан не поднял глаз сразу. Он медленно закрыл книгу, провёл пальцем по корешку, будто проверяя, не стёрлись ли буквы.

— Не официальное, — повторил он, наконец глядя на Эдвина. — Это понятие растяжимое. Что тебе нужно?

Эдвин сглотнул. Говорить прямо было страшно, но и юлить Ронан не любил.

— Заклинание с отсроченным действием. Не боевое. Просто… чтобы сработало в нужный момент.

Кузен помолчал. В комнате было тихо, только где-то в коридоре скрипнула половица.

— Такие вещи не делают в лавках, — наконец сказал Ронан. — И не делают бесплатно. И уж точно не делают без риска.

— Я понимаю, — быстро ответил Эдвин. — Но мне нужно.

Ронан ещё несколько секунд изучал его, словно пытаясь прочесть не слова, а мысли. Потом кивнул — коротко, будто принимая не просьбу, а вызов.

— Есть один человек, — сказал он. — В старом городе, в переулке за рыбным рынком. Дом без вывески, зато с медной табличкой в виде змеи. Он не афиширует свои услуги, но… те, кто ищет, находят.

— А цена? — спросил Эдвин, уже зная, что согласится.

— Цена — не деньги, — усмехнулся Ронан. — Точнее, не только деньги. Он берёт дорого, и не только золотом. Но если ты готов рискнуть, он сделает то, что тебе нужно.

Эдвин кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается от смеси страха и решимости.

— Спасибо, — тихо сказал он.

Ронан пожал плечами.

— Не благодари. Если тебя поймают, я ничего не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.